



Вергилий

Энеида

Новый стихотворный
перевод Аркадия Казанского

Публий Вергилий

**Энеида. Новый стихотворный
перевод Аркадия Казанского**

«Издательские решения»

Вергилий П. М.

Энеида. Новый стихотворный перевод Аркадия Казанского /
П. М. Вергилий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901902-8

Предлагаемая книга является заключительной, в переложении трилогии «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, «Энеиды» Вергилия на современный русский язык. Прodelав столь огромную работу, автор перевода Аркадий Казанский берётся за написание труда «Комментарии к Троянской войне», в котором представит истинных авторов вышеуказанных поэм, время их жизни и творчества, чтобы авторы величайших произведений не пребывали во тьме забвения неблагодарных потомков.

ISBN 978-5-44-901902-8

© Вергилий П. М.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Генеалогия богов Вергилия	8
Книга первая	9
Книга вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Энеида

Новый стихотворный перевод Аркадия Казанского

Вергилий

Переводчик Аркадий Аркадьевич Казанский

Редактор Татьяна Борисовна Казанская

Иллюстратор Аркадий Аркадьевич Казанский

Редактор Ирина Аркадьевна Казанская

© Вергилий, 2018

© Аркадий Аркадьевич Казанский, перевод, 2018

© Аркадий Аркадьевич Казанский, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-1902-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Перевернутое время. Вниз по лестнице, идущей вверх.

«ИЛИАДА» Гомера поражает;
«ОДИССЕЯ» Гомера восхищает;
«ЭНЕИДА» Вергилия вводит читателя в состояние ступора.

Читая «ЭНЕИДУ», многочисленные «комментарии» к ней, явственно ощущаешь, — мозги «сворачиваются» в трубочку. Недаром это произведение столь часто выворачивают наизнанку и травестируют.

Это вам не «слепой» певец Гомер, который не видит дальше собственного носа (который также не видит по причине собственной «слепоты»). Это — взгляд через целое тысячелетие, якобы.

Правдив ли взгляд Вергилия в своей основе? Безусловно, скажет нам маститый «академик от истории». Посмотрите на прописанную Вергилием шеренгу знаменитых исторических лиц «Древнего Рима», «потомков Энея и Аскания Юла», и сравните это с многотомной «Историей Рима» Теодора Моммзена (1817 – 1903 годы жизни), удостоенного Нобелевской премии, правда, не по истории, (удивительно, что подобной премии нет вообще), но, по литературе.

Считают ли Вергилия историком? Нет, только величайшим поэтом. Может ли человек видеть через века? Отдельное замечание, — можно ли представить себе, что простой поэт, не государственный и не церковный деятель, имеет доступ к столь обширной исторической информации, которого нет и в наши дни. Но, ведь никто не сомневается в его пунктирном изложении тысячелетней истории «Древнего Рима» от Зевса до Христа, никто не называет её: «Времён минувших анекдоты от Ромула до наших дней». Да и о Вергилии ли пишет это А. С. Пушкин (1799 – 1837 годы жизни), современник Моммзена?

А если это невозможно себе представить, что же мы видим перед собой на самом деле? Что представляет собой «ЭНЕИДА» и, собственно, величайший поэт Вергилий? Ответы на эти вопросы ждут нас впереди, в следующих книгах.

В настоящей книге, исходя из желания, — глубже понять и прочувствовать величайшего поэта, его бессмертную поэму, выполнено переложение «ЭНЕИДЫ» на современный литературный язык, 5 – стопным анапестом, в виде рифмованного стиха, с чередованием мужских и женских окончаний, пользуясь гениальным строем Дантовских трёхстиший, с тройной рифмой, с глубочайшим уважением к автору. Текст сверен с переводами «ЭНЕИДЫ» на русский язык А. А. Фета (1820 – 1892 годы жизни), В. Я. Брюсова (1873 – 1924 годы жизни), С. А. Ошеров (1931 – 1983 годы жизни), равно, как и с оригиналом поэмы на мёртвой латыни. Видно, что работа вышеуказанных поэтов над «ЭНЕИДОЙ» длится без перерыва полтора столетия. И это не считая ранних переводов другими поэтами России.

Мы не знаем, как звучит латынь в оригинале, не имеем (до сих пор) качественного латинско-русского словаря, который смог бы покрыть и раскрыть «ЭНЕИДУ». Даже наиболее полный латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого (1894 – 1979 годы) не поможет нам в этом невозможно трудном деле. Полагаться приходится только на опыт перевода предшественников, сличая его в номинативном ряду с оригиналом на латыни, тщательно устраняя недочёты в переводе.

Предлагаемая книга является заключительной, в переложении трилогии «ИЛИАДЫ» и «ОДИССЕИ» Гомера, «ЭНЕИДЫ» Вергилия на современный русский язык. Прodelав столь огромную работу, автор берётся за написание труда: «Комментарии к Троянской Войне», в которой представит истинных авторов вышеуказанных поэм, время их жизни и творче-

ства, чтобы авторы величайших произведений не пребывали во тьме забвения неблагодарных потомков.

Почему я не называю Вергилия Публием Мароном, не привожу дат его жизни? Просто, – понимаю, – к этому нет ни малейших оснований, даже «Вергилий» – просто псевдоним.

С уважением, Казанский Аркадий Аркадьевич (1950 год – жив ещё)

Генеалогия богов Вергилия

Считается, что действующий состав Олимпийской семьи богов у Вергилия полностью соответствует составу семьи Олимпийских богов у Гомера. Однако Вергилий присваивает богам кардинально иные имена, не звучащие у Гомера, и это странно. В «ИЛИАДЕ» и «ОДИССЕЕ» Гомера нет ни малейшего намёка на то, что царь Эней, один из основных защитников Илиона называет Олимпийских богов иначе, чем Ахиллес и Агамемнон, осадившие и разгромившие Троаду и Илион. Что, Гомер не знает этого, или считает несущественным? Более того, Вергилий ни разу не упоминает имён богов Гомера, как будто не знает их, при этом Вергилию не удаётся избежать обвинений в «списывании» сюжетов «ИЛИАДЫ» и «ОДИССЕИ». Однако основные герои Гомера у Вергилия носят те же самые имена, что и у Гомера, за исключением единственного, – хитроумный Одиссей Гомера назван Вергилием Улиссом, злым и коварным выдумщиком Троянского Коня и основным вдохновителем и организатором разгрома Илиона. Эта загадка требует объяснения, которое ждёт читателя в следующих книгах. Здесь же приведём основной сравнительный список Олимпийских богов в версии Вергилия и Гомера, не вдаваясь в варианты их наименований:

Вергилий	Гомер
Сатурн, отец Олимпийских богов	Крон, отец Олимпийских богов
Кибела, жена и сестра Сатурна, мать богов	Рея, сестра и жена Крона, мать богов
Иов, Иовис, Юпитер, сын Сатурна	Зевс, сын Крона, Громовержец
Юно, Юнона, дочь Сатурна, супруга Иова	Гера, дочь Крона, жена и сестра Зевса
Минерва, дочь Иова, богиня воительница	Афина, дочь Зевса, богиня воительница
Венера, дочь Иова, мать Энея	Афродита, дочь Зевса, мать Энея
Диана, дочь Иова, богиня охотница	Артемида, дочь Зевса, богиня охотница
Марс, сын Иова, бог войны	Арес, сын Зевса, бог войны
Меркурий, сын Иова, бог вестник	Гермес, сын Зевса, бог вестник
Вулкан, сын Иова, бог огня	Гефест, сын Зевса, бог огня
Церера, дочь Сатурна, богиня земледелия	Деметра, сестра Зевса, богиня земледелия
Феб Аполлон, сын Иова, бог Солнца	Аполлон, сын Зевса, бог Солнца
Вакх, Бахус, Лизей, сын Иова	Дионис, сын Зевса
Дит, брат Иова, бог царства мёртвых	Аид, брат Зевса, бог царства мёртвых
Нептун, брат Иова, бог морей	Посейдон, брат Зевса, бог морей
Улисс, царь Итаки	Одиссей, царь Итаки

Книга первая

Троянская Война оканчивается разгромом и сожжением Илиона войсками Агамемнона. Уцелевшие защитники Трои бегут в разные стороны, пытаются найти укрытие, и основать новые государства на других землях. Царь Эней, один из основных защитников Трои, которого гонит богиня Юнона Сатурния, супруга верховного бога Иова (Юпитера) Сатурния, по воле богов бежит в Италию, к Лавинийским берегам, унося с собой Пенаты (Троянских богов). Энею суждено богами перенести Пенаты в Лаций и основать племя латинян. Наследникам Энея боги присуждают построить город Долгая Альба, затем основать Вечный Рим.

На другом берегу моря, в Ливии, далеко от устья реки Тиберин, беглецы из Тира основывают город крепость Карфаген, любимый богиней Юноной, мечтающей возвысить этот народ. Но богиня Юнона знает, – от троянской крови возникнет новый род, который принесёт гибель Ливии и разрушит Карфаген. Юнона люто ненавидит троянцев, гонит их везде; в Троянской Войне богиня стоит на стороне ахейцев, напавших на Трою. Кроме того, богиня Юнона имеет давнюю обиду на защитника Трои, царевича Париса, который в споре о красоте трёх богинь, – Юноны, Венеры и Дианы, как судья, отдал яблоко победы (яблоко раздора) богине любви Венере, а не Юноне, как старшей богине. Юнону оскорбляет и то, что супруг Иов берёт на Олимп Ганимеда, троянского царевича, за его красоту, сделав виночерпием Олимпа.

Видя флот Энея, плывущий по морю, Юнона решает его утопить, поминая, как богиня Паллада за дерзость топил царя Аякса Оилида ударом молнии. Юнона обращается к богу Эолу, владеющему всеми ветрами, просит его выпустить ветра на свободу из заточения, чтобы утопить корабли Энея, плывущие по Тирренскому морю; за это обещает дать Эолу в жёны нимфу Деиопею. Эол в долгу у богини Юноны, – та испрашивает у Иова для него бессмертие и жезл бога, отворяющий ветры; не смея ей отказать, выпускает ветры на свободу ударом жезла по скале. Поднимается ужасная буря. Эней, видя это, ужасается, сожалеет, что не погиб в Трое, как многие другие могучие герои и молится богам о спасении. Корабли Энея разбросаны по морю, часть их буря бросает на скалы Алтари, часть выносит на песчаную мель, – Сырты, корабль Оронта погибает в водовороте.

Морской бог Нептун, брат Иова и Юноны видит взволновавшиеся до самых глубин морские воды, просыпается, выходит из моря, и узнаёт происки своей сестры, Юноны. Нептун грозно укрощает ветры, отсылая их обратно, в Эолию, приказывает морским богам Тритону с Кимофоей снять корабли, севшие на скалы и на мели. Эней с семьёю кораблями направляется к берегам Ливии. Выйдя на берег, Эней ищет глазами свои корабли в море, но не находит. Тут он замечает стадо оленей, которых добывает в пищу спутникам. Во время пира они вспоминают погибших товарищей и скорбят о них.

Верховный Олимпийский бог Юпитер выходит на небо, видит Энея в Ливии; тут к Юпитеру подходит Венера, мать Энея, горюет о судьбе сына, которому Юпитер обещает дать власть над всеми земными царствами, вспоминая судьбу Антенора, основавшего город на новом месте после бегства из горящего Илиона. Юпитер успокаивает Венеру, говорит, – его слово твёрдо, всё непременно так и будет. Он пророчит долгое царствование рода Энея, через сына Энея Аскания (Ила), которого при бегстве переименовывают в Юла, которому суждено основать город Долгая Альба, предсказывая появление в их роде, в далёком будущем, близнецов Ромула (обожествлённого, как бог Квирин) и Рема, вскормленных волчицей, которые создадут Древний Рим, до правления величайшего Римского императора Юлия Цезаря. Юпитер посылает в Ливию гонца, своего с Майей сына, бога Меркурия, передать царице Карфагена Дидо приказ встретить и обласкать Энея со спутниками.

Эней, причаливший в Ливии, отправляется на поиски людей, встречается там свою мать, богиню Венеру в виде молодой охотницы, но не узнаёт её. Венера рассказывает ему историю

царицы Дидо, пришедшей в Ливию из Тира, мужа которого, Сихея, царя тирийцев, убивает брат Дидо, Пигмалион, скрыв труп. Призрак Сихея является Дидо во сне, открывает коварство Пигмалиона, советует бежать из Тира, прихватив золото Пигмалиона, кроме того, открывает Дидо, где спрятан огромный клад. Дидо собирает спутников и корабли, переправляется в Ливию, к пунийцам, где после войны с ливийцами, покупает у них кусочек земли, который может накрыть шкура одного быка. Дидо режет шкуру быка на тонкие полоски, обводит ими кусочек земли и строит на ней крепость Бирса, начало Карфагена.

Богиня Венера расспрашивает Энея, кто он и куда плывёт; Эней повествует матери о своих бедствиях. Венера успокаивает сына, говорит, – все его корабли, кроме одного вернутся, и удаляется. В это время она озаряется сиянием; одежда соскальзывает с неё, и Эней узнаёт мать-богиню.

С верным спутником Ахатом Эней отправляется искать город царицы Дидо Сидонии. Богиня Венера окутывает их облаком, делая невидимыми, и удаляется в Пафос. Эней с Ахатом приходят к строящемуся городу Карфагену, где создаётся величественный храм, на стенах которого изображены сюжеты о Троянской Войне по мотивам великого поэта Гомера. Из ахейцев изображены оба Атрида, Ахиллес, Диомед, убивший в ночной вылазке царя фригийцев Реса, троянский царевич Троил, убегающий от Ахиллеса, но убитый им, троянские жёны, идущие в храм богини Паллады просить защиты, Ахиллес, влекущий труп воеводы троянцев, Гектора вокруг Илиона, за своей колесницей, царь Трои Приам, выкупающий у Ахиллеса тело сына Гектора, защитники Илиона во главе с Мемноном, амазонки, ведомые Пентесилеей. Царица Дидо также приходит в храм, подобная богине Диане, дочери богини Латоны и Иова, занимает свой трон. Вдруг Эней видит приближающихся своих товарищей, Клоанта, Антея и Сергеста, которые спаслись от бури со всеми кораблями, кроме одного. Старейшина Энея, Илионей рассказывает царице об их бедствиях на море, и просит помощи, чтобы троянцы смогли отправиться дальше, на поиски заветной Гесперии в Италии, стране, где живут энотры, или же в Сицилию, где обосновался троянец Акест, потомок героя Эрикаса. Царица Дидо благосклонно принимает спутников Энея, после чего и сам Эней появляется из облака перед царицей. Царица Дидо потрясена видом и красотой царя, вспоминает о приходе Тевкра, предка троянцев в Тир, и приглашает Энея со спутниками в гости. Эней посылает Ахата за сыном Асканием и подарками для царицы Дидо.

Богиня Венера, не доверяя тирийцам, и боясь козней богини Юноны, заменяет Аскания на своего сына Купидона, – бога любви, сводного брата царя Энея, поручая ему сжечь сердце Дидо любовью, Аскания же забирает к себе на Киферу. Купидон (Амур) приходит к Дидо под видом Аскания и внушает ей страстную любовь, стирая память об убитом муже Сихее. Царица Дидо открывает пир возлиянием богам; певец Иоп поёт для пирующих о звёздах и планетах; Дидо, влюблённая в Энея, в который раз расспрашивает Энея о событиях и героях Троянской Войны, и его скитаниях по морям.

Муза, пой об Энее, – в Италию первым из Трои, —
Роком взятый беглец, – к берегам Лавинийским приплыл.
По морям и далёкой земле разбросала, расстроив,

Воля божья, жестокой Юноны злопамятной пыл.
5 Вёл и войны герой, – до того, когда, город воздвигнув,
Перенёс богов в Лаций, где племя возникло латин,

Долгой Альбы отцы, стен бессмертных Высокого Рима.
Муза, спой и о том, по причине какой довели
Так царицу богов, что герой, благочестием дивный,

10 Столь по воле её претерпел вдруг превратностей злых,
Столь трудов. Неужель небожителей гнев так искусен?
Город древний стоял, – беглецы в нём из Тира сошлись;

Звался он Карфаген, – вдалеке Тиберинского устья,
Против берега Италии; был люд бесстрашен для битв.
15 Больше стран всех Юнона любила его простодушно,

Даже Самос забыв, где её колесница стоит,
Где доспехи её. И мечтала богиня напрасно, —
Коль позволит Судьба, это царство возвысить решив.

Но слыхала она, что возникнет от крови троянской
20 Род, какой ниспровергнет твердыни тирийцев во прах.
Царский этот народ, войной гордый победною, ясно, —

Гибель Ливии он принесёт, – Парка ждёт так в судах.
Истомил страх Сатурнию, память о битвах, смятенье;
Прежде, где от троян защищала аргивян в местах,

25 Злая ненависть давней обидой питалась, с рожденья
Скрытой где-то в душе, – не забыла супруга угроз,
Суд Париса, к своей красоте благородной презренье,

Ганимеда почёт, ненавистный род царский, до слёз.
Гнев её не слабел; и троянцев в невзгоды бросала,
30 Что спаслись от данайцев, и от Ахиллеса угроз;

Долго, многие годы, их в Лаций она не пускала, —
По солёным блуждали волнам, гнал морями их Рок.
Сколь огромны труды, положившие Риму начало!

С виду скрылся Сицилии берег едва, гладь дорог
35 Вспенят носом суда, поднимая и парус на радость.
Тут Юнона, в душе свою рану открыв для тревог,

Так сказала себе: «Отступить, побежденной, мне надо?
И троянца вождя от Италии не отвратить?
Пусть Судьба не велит! Но ведь сил же достало Палладе, —

40 Флот аргивян спалить, а самих их в пучине топить,
За вину Оилеева сына Аякса, примерно?
Та метнула из тучи Иова огонь, запалив,

Разнесла корабли, всколыхнула и волны, и ветры.
И Аякс, из груди выдыхавший огонь от костра,
45 Вихрем вынесен был, и к скале пригвождён островерхой.

Я ж, царица богов, и Иова супруга, сестра,
Битвы столько уж лет веду с этим народом, как дура!
Кто ж Юнону почтёт, перед ней не испытывав страх,

Кто, с мольбой преклонясь, на алтарь мой положит хоть шкуру?»
50 Помышляя в душе так, объятай обиды огнём,
В край богиня спешит, ураганом чреватый и бурей,

На Эолию, там, где в пещере большой царь Эол
Ветры шумные держит и Австры враждебные грозно,
Высшей властью смилив их, тюрьмой и цепями обвёл.

55 Ропщут гневно они, и громады им рокотом грозным
Отвечают вокруг. Но сидит на вершине царь сил,
Скиптродержец Эол укрощает гнев душ их серьёзно, —

Или море с землёй, и высокие неба красы
В бурной страсти сметут и развеют по воздуху буйно.
60 Всемогущий Отец в мрак пещер потому заточил,

Взгромоздив горы сверх; опасаясь их злобного буйства,
Дал владыку-царя им, который условие внял, —
Их сдержать, не ослабить узду по приказу безумца.

Догадалась Юнона Эола словами пленять:
65 «Власть тебе дал Родитель богов, и людей повелитель, —
Бури моря смирять или вновь над пучиной вздымать.

Род враждебный плывёт по тирренским волнам; мой Родитель
Илион и сражённых Пенатов ведёт до стола,
Что в Италии. Ветер обрушь на корму им, властитель,

70 Разбросай корабли врозь, рассеяй по пучинам тела!
Дважды семеро нимф, все в блистании тел обнажённых,
У меня есть, но Деиопея красой всех взяла.

За услугу твою я тебе отдаю её в жёны,
Вас на все времена нерушимый тот свяжет союз,
75 Чтоб прекрасных детей ты родителем стал, многоженец».

Отвечает Эол ей: «Забота твоя и твой груз
Знать, что хочешь, а я повеления лишь исполняю.
Ты снискала мне жезл, да и милость Иова, клянусь!

Ты мне право даёшь возлежать на пирах, хоть и с краю,
80 Повелителем сделав меня бурь и туч дождевых».
Молвив так, — он обратным концом от копья ударяет

Пустотелую гору, — и ветры, живее живых,

Рвут в открытые двери, и вихрем несутся над сушей.
До глубокого дна возмущают всё море, разрыв,

85 Вместе выпорхнув, Эвр, Нот; обильные бури несущий
Африк; волны вздувая, на берег их мчат, в окоём.
Крик троянцев сливался со скрипом снастей, парус рвущих.

Тучи небо и свет из очей похищают и днём, —
Непроглядная ночь покрывает бурлящее море.
90 Небосвод вторит грому; Эфир полыхает огнём, —

Близко верная Смерть отовсюду мужам грозит вскоре.
Холод тело Энея внезапный сковал. И, с мольбой,
Руки к звёздам воздев, небесам молвит громким укором:

«Трижды краше блажен, кто под стенами Трои большой,
95 Пред очами отцов сам в бою повстречался со Смертью!
О, Тидид, из народа данайцев храбрейший герой!

О, когда б довелось на полях илионских, поверьте,
Испустить дух и мне, под ударом могучим, где лог,
Там, где Гектор сражён Эакида копьём, где безмерный

100 Сарпедон пал, где много неся Симоента поток
Шлемов, панцирей, тел и щитов от троянцев качает!» —
Говорил он. Меж тем ураганом ревуший клубок

Яро рвёт паруса, Аквилон весь до звёзд воздымает.
Вёсла ломит; корабль, повернувшись, подставил волнам
105 Борт; туда же несётся крутая гора водяная.

Здесь на гребне волны корабли; расступились же там
Воды, дно обнажив и песок разметав на просторе.
Корабля три загнав, Нот бросает на скалы, на срам, —

Итальянцы зовут Алтарями те скалы, средь моря
110 Скрыт в пучине хребет; и относит ещё судна три
Эвр с глубин на песчаные мели, Сирты; бросив в горе,

Разбивает о дно там, и валом песка заградил.
Видит он, — на корабль, что увозит ликийцев с Оронтом,
Сверху пала волна, с необузданной силой громит

115 По корме, и стремительно кормчего в море уносит.
Там другой повернулся трикратно на месте корабль
Валом грозным, — пропал вмиг в воронке от водоворота.

Редко видны пловцы средь широкой пучины, и скарб, —
По волнам плывут доски, щиты, и сокровища Трои.

120 Корабли же Ахата и Илионея, на волны попав,

И Абанта корабль, и Алет им который построил, —
Одолела уже непогода, им днища порвав,
Влагу чуждую внутрь пропускают их швы все, раскроясь.

Слышит меж тем Нептун, – море стонет, себя в пену рвав;
125 Чует, – воля дана непогоде, что вдруг всколыхнулись
Воды самых глубин, – сразу, в тяжкой тревоге, желав

Обозреть свое царство, он голову поднял, проснувшись.
Зрит, – Энея суда разбросались, попали в Сирты,
Волны гонят троянцев, в пучину же небо уткнулось.

130 Открывались ему тут разгневанной козни сестры.
Эвра он призывает, Зефира, кричит, недоволен:
«До чего вы дошли, возгордившись природой, быстры,

Ветры! Смеете вы, – и моей не спросив даже воли,
Небо, землю смешать и громады поставить стеной?
135 Вот я вас! А теперь пусть улягутся пенные волны, —

Вы ж за эти дела все наказаны будете мной!
Мчитесь быстро, – чтоб вашему так господину сказали:
«Вручены мне по жребию власть и трезубец морской,

Не ему – мне! Его же владения – тяжкие скалы,
140 Ваши, Эвр, там дома. Так пускай и печётся о них, —
Над темницей ветров пусть Эол лишь господствует, славный»».

Говорит, – умиряет смятенное море он вмиг,
Разгоняет толпу туч, и на небо Солнце взмывает.
Со скалы сам Тритон с Кимофоей столкнули на низ

145 Мощной силой суда, и трезубцем их бог поднимает,
Путь открыв сквозь Сирты им, утишив пучину, он рад,
Сам по гребням валов лишь на лёгких колесах летает.

Иногда начинается так вдруг в толпе, наугад,
Бунт, – безродная чернь, ослеплённая гневом, мятётся.
150 Взяты буйством в оружие, – там факелы, камни летят.

Но увидя, что муж, благочестный и доблестный, рвётся
Славно, – все обступают его и внимают без дел,
Слову, что им смягчает сердца, и душа тем спасётся.

Так и на море гул затихал, лишь родитель глядел, —
155 Гладь его обозрев, пред собою он небо очистил;
Повернув скакунов, в колеснице послушной летел.

Правят путь между тем энеады усталые ближе, —
Лишь бы суша была! И к Ливийским плывут берегам;
Есть укромное место, где гавань спокойную лижет,

160 Брег собою прикрыв, островок; набегая, волна
Разбивается здесь и расходится лёгким волненьем.
С той, с другой стороны, притаились утёсы; от дна

Две скалы поднялись; под отвесной стеной безмятежна
Гладь, спокойная вечно. Меж листьев поляна видна,
165 Только роща её осеняет пугающей тенью.

В склоне там, среди скал, притаилась пещера; туда
Пресноводный родник тёк; скамьи из природного камня, —
Обиталище нимф здесь. Без привязи могут суда

Тут в покое стоять, якорями на дно не впиваясь.
170 Семь собрав кораблей из всего его множества, в ту
Бухту входит Эней; стосковавшись по суше, троянцы

Мчат скорее на берег, в желанный песок упадут,
Расправляя тела, солью моря пропитаны лишней.
Высекает из кремня Ахат тотчас ярко искру, —

175 Лист огонь подхватил; и, сухие, обильную пищу
Дали сучья ему, — от огнива зажёгся костёр.
Взяв подмоченный хлеб, здесь Цереры орудья все ищут,

Про усталость забыв, чтоб спасённые зёрна растёр,
На огне просушив, меж камней двух, богиней хранимых.
180 Сам Эней между тем, на высокий взобравшись бугор,

Взглядом рыщет простор, — не плывут ли там, ветром гонимы
Капис, или Антей, не видны ль фригиян паруса,
Не блеснут ли щиты от высокой кормы у Каика?

Нет для взора судов! Но над морем, — заметил, трусят
185 Три оленя больших; вереницею длинной за ними
Следом стадо ступает, по злачным долинам пасясь.

Замер тут же герой, и Ахатом носимый, предлинный
Лук и быстрые стрелы поспешно он в руки схватил.
И самих вожаков уложил, так высоко носивших

190 Гордый веер ветвистых рогов; потом стадо разбил,
Разогнал врассыпную, стреляя, по рощам и долам.
Кончил только тогда, — семь огромных оленей, сверх сил,

Когда наземь поверг, – по числу кораблей своих ровно.
В гавань быстро идёт победитель, деля меж собой
195 Вина, что нам Акест поднёс добрый, кувшины наполнив

В дар троянцам, Тринакрии берег покинувшим злой.
Всех вином оделив, он сердца ободряет ученьем:
«О, друзья! Нам и раньше случалось встречаться с бедой!

Позади уж все самое тяжкое, – нашим мученьям
200 Бог положит предел; вы узнали и Сциллы злой нрав,
Меж грохочущих скал проплывая; циклопов влечения

Вам известны; отбросьте же страх, славным духом воспрям!
Может быть, впредь об этом нам сладостно вспомнить бывает.
Испытания прошли и превратности все мы, поправ,

205 В Лаций, где нам прибежища мирные Рок открывает, —
Предначертано там царство Трои поставить вождям.
Но, крепитесь, друзья, и для счастья себя не скрывайте!»

Голос Талии слышит душою и молвит друзьям;
Подавляет с надеждой притворной боль, жгущую душу.
210 За добычу тут спутники взялись, всё к пиру ведя, —

Обрезают с костей мясо, режут утробу, и туши
На куски рубят, слабую плоть вертелами прошли;
На песке котлы ставят; костры развели, не потушишь.

Возлежа на траве, очищают все силы, котлы,
215 Насыщая себя вином Вакха, дичиною жирной.
Утолив голод пищей, убрав после пира столы,

Вновь они поминают соратников, жизни сложивших;
И, душой меж надеждой и страхом колеблясь, гудит, —
Живы ль други, погибли ль давно, и не слышат туживших.

220 Сердцем благочестивый Эней об Оронте скорбит,
О жестокой Судьбе горько плачет Амика и Лика,
И о храбром Гиганте, и храбром Клоанте грустит.

Кончен пир; в этот миг с поднебесья Эфира Юпитер,
Море, парус надутый, стремнину и земли видал;
225 Племена обозрев, широко расселённые в мире,

На вершине небес встал, на Ливии взгляд задержал.
Тут к Отцу, что в душе преисполнен заботой усердной,
Грусть приносит Венера и слёзы в блестящих глазах, —

Молвит тихо слова: «Над делами бессмертных и смертных

230 Власть навеки тебе вручена, стрелы молнии, гром.
Виноват пред тобой, чем Эней, о, Родитель? Наверно,

Виноваты троянцы, – скажи? Ведь потерян их дом,
Недоступен, утрачен весь мир, кроме стран Италийских?
Победителей-римлян восстанет там род, но, с трудом

235 Верю, – годы пройдут, и от крови троянской, старинной,
Будут править они полновластно на суше, в морях, —
Обещал ты. Зачем же решение твое изменилось?

Видя Трои закат и крушение, я тешилась зря
Мыслью, – судьбы дарданцев иная Судьба захватила.
240 Испытавших уж столько страданий доныне, троян

Та же участь гнетёт. Где предел их несчастьям, властитель?
Мог герой Антенор, ускользнув от ахейцев вдвойне,
В Иллирийские бухты, в Либурнское царство проникнуть,

Перейти и бурливый источник Тимава над ней,
245 Там, где, сквозь девять горл из глубокой горы вырываясь,
Попирает поля он, шумящим морям наравне.

У него основал там троянцам приютом Патавий,
Имя племени дал, и оружие Трои прибил;
В мире сладостном нынче живёт он, не зная печалей.

250 Мы ж, – потомство твоё, – нам чертог ты небесный сулил.
Потеряв корабли из-за гнева одной лишь богини,
Страшно молвить, – вдали от Италии снова, без сил.

Благочестью почёт! Нашу власть возрождаешь так, видно?»
Улыбнулся создатель бессмертных и смертных в ответ
255 Той улыбкою светлой, с небес прогоняя дождейки;

Дочки губ прикоснулся Отец поцелуем в завет:
«Нет, незыблемы судьбы троянцев; страх брось, Киферея, —
Обетованы, – верь, – ты Лавиния стен видишь свет!

До небесных светил высоко возвеличишь Энея
260 Благодушного ты. Неизменно решение моё.
Ныне так предреку, – ведь забота терзает всё злее

Сердце нам, – разверну пред тобой тайны судеб её, —
Долго войны вести он в Италии будет, и славой
Станет многих племен; стены ставит, закона копьё,

265 Третье лето пока не узрит, как он Лацием правит;
Трижды зимы пройдут и года, гнев рутулов снеся.

И Асканий, твой внук, – назовётся он Юлом по праву, —

Илом был он, пока Илион стоял, всех потряся.
Править будет, пока обращение Луны не отмерит
270 Тридцать полных кругов; из Лавинии перенеся

Царство, Долгую Альбу могуществом высшим проверит.
В ней же Гектора род, воцарившись, ту власть утвердит
Полных трижды сто лет; но, царица и жрица, поверив,

Илия близнецов двух, зачатых от Марса, родит.
275 После, вскормлен сегою волчицей-кормилицей, новый
Ромул род свой создаст, стены Марсовы там утвердив,

Возведёт, и своим наречёт римлян именем звонким.
Я могуществу их не кладу ни предел, и ни гнёт, —
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона, —

280 Страх пред ней море, землю и небо доныне гнетёт, —
Обратит им на благо все мысли, со мною едина, —
Римлян, мира владык, облачённое племя придёт, —

Так решил я. Года пролетят, придёт время, – предивно
Ассарака род Фтией, Микенами, будет прочней
285 Славно править, в неволе держать побеждённых аргиев.

Будет Цезарь рождён от высоких троянских кровей, —
Океаном и звёздами славу и власть ограничит,
Юлий, – имя возьмёт он от имени Юла. Сверх дней

В небе примешь его, отягчённого славной добычей
290 Стран восточных; все будут молитвы ему воссылать.
Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится

С братом Ремом Квирин. Верность, Веста их будут спасать, —
Всем законы дадут; войны мрачные двери задрав,
Их железо замкнёт. Нечестивая ярость, – война

295 Сотней связана уз, на оружья горе восседая,
Станет страшно, свирепая, с пастью кровавой, бранить». —
Так сказал и Меркурия шлёт, урождённого Майей,

Чтоб земля Карфагена троянцам, и крепость для них
Двери все отворила; чтоб Дидо сама пред гостями,
300 И Судбе вопреки, перед ним не закрыла границ.

Мчит по воздуху в Ливию вестник, махая крылами,
Исполняя приказ; и пунийцы, – им бог дал совет, —
Всю жестокость свою позабыли; царица делами,

Дружелюбием к троянцам склонясь, ждала сердца ответ.
305 Думал благочестивый Эней, от забот не сомкнувший
Глаз всю ночь; поутру, лишь забрезжил пурпурный рассвет,

Всё решил разузнать, – и куда ветер гнал их могучий,
Кто владеет страной, – плуг прибрежных полей не взрывал;
Люди ль, звери одни, – своих спутников тотчас послушав,

310 Флот под сводом лесов, в углублении скал укрывал,
Где деревья вокруг нависают пугающей тенью.
В путь пустился герой, лишь Ахата с собою позвал;

Шёл, зажавши в руке пики с жалом железным, надетым.
Мать явилась навстречу ему, проходя мрачный лес,
315 Девы облик приняв и надевши оружие девы,

Иль спартанки, иль всадницы Фракии, девы чудес
Гарпалики, – коней загоняя, и Эвра обскачет.
Лёгкий лук за плечом по-охотничьи, наперевес;

Кудри вьются во власть ветеркам, а завязано платье
320 Узелком, обнажённые ноги открыв до колен.
Первой молвит она: «Эй, юнцы, не могли бы сказать мне, —

Не видали ль сестричек моих? Носит каждая хлен
И колчан, и одеты все в шкуры пятнистой пантеры, —
Рыси; гонят они кабана мне свирепого в плен».

325 Так Венере в ответ говорил, урождённый Венерой:
«Нет, я здесь не видал, не слышал твоих, дева, сестёр, —
Как тебя называть? Ты лицом не похожа на смертных, —

Голос мягче звучит. То богиня пришла на простор, —
Или Феба сестра, или с нимфами крови единой.
330 Будь же счастлива, кто б ни была! Разреши лишь наш спор, —

Где, под небом каким, в берег края какого судьбиной
Занесло нас, открой. Ни людей мы не знаем, ни власть;
Здесь блуждаем, куда нас прибило волной, ветра силой,

Пред твоим алтарём, чтоб обильные жертвы закласть».
335 Отвечает Венера: «Я чести такой недостойна.
Тира девушки все колчаны носят так, чтоб достать,

И ремнём обвивают пурпурных сандалий ног стройность.
Видишь царство пунийцев, тирийцев, Агенора град;
Этот край был подвластен ливийцам; в бою завоёван, —

340 Ныне правит здесь Дидо из Тира, от брата сбежав
В этот варварский край. Велика ей обида случилась, —
Повесть тож велика, — лишь главнейшее вам рассказав, —

Был ей мужем Сихей, богатейший среди финикийцев.
Полюбила его жена крепко, впервые вступив
345 В брак, ведь отдал отец непорочною замуж девицу.

Править в Тире тогда её брат вероломный вступил, —
В преступлениях Пигмалион смертных всех превзошедший.
Началась меж них распря; Сихея, бесчестный, убил,

Тайно пред алтарём поражая коварным железом;
350 Ослеплён злата жаждой, все чувства сестры он презрел,
И злодейство своё от вдовы он скрывал бесполезно,

Хитро тщетной надеждой сестру безутешную грел.
Но однажды во сне объявился супруга ей призрак,
Не зарытого. Лик, дивно бледный, подъемля, смотрел,

355 Грудь пред ней обнажил он пронзённую, всё про убийство,
Осквернённый алтарь открывает, сокрытый от глаз.
Убедил её призрак скорее покинуть отчизну;

Чтобы бегству помочь, указал ей старинный он клад, —
Злато и серебро, в потаённом зарытые месте.
360 И, послушная мужу, жена ищет спутников ряд, —

Все, в ком страх был силён пред тираном и ненависть вместе,
К ней идут. В корабли, что готовы к отплытью от стен
Были, золото Пигмалиона они грабят мстью, —

От скупого казну. Бег жена возглавляет, велев
365 В те места уплывать, где могучие видишь постройки,
Стены, — ныне тут новая крепость встаёт, — Карфаген.

Здесь купили земли мы клочок, — только шкурой покройте
От быка одного, — город Бирсою назван у нас.
Расскажите и вы, — от каких берегов вы плывёте,

370 Кто вы, мчитесь куда?» И на это Эней молвит враз, —
Вырывается голос его из груди вздохом тяжким:
«О, богиня, коль с первых причин начинать мой рассказ,

Список наших трудов не успеешь за день ты уважить;
Прежде Веспер взойдёт на вершину Олимпа, звезда.
375 Мы из Трои античной; до вашего слуха, что важно,

Имя Трои дошло; по волнам, где в равнинах вода,

Всюду носимся мы; нас до Ливии буря примчала.
Я же благочестивый Эней; и Пенатов туда

От врагов увожу; до небес нас Молва прославляла.
380 Я в Италию отчую плыл, от Иова род вёл;
Воле следуя Судеб, богиня-мать путь указала.

В двадцати кораблях я в просторы фригийские шёл, —
Но осталось их семь лишь, разбитых от Эвра волнами.
Я ж, безвестен и сир, по Ливийским пустыням пошёл,

385 Нет в Европу пути мне, и в Азию нет мне возврата». —
Тут прервала Венера, услышав той жалобы лёд:
«Верю, — кто бы ты ни был, — не против бессмертных, крылатых,

Воздух жизненный пьёт тот, кто в город тирийцев придёт.
Поскорее ступай и предстань перед взором царицы;
390 Возвещаю тебе, что вернётся всех спутников флот;

Аквилон усмирится, в надёжную гавань примчит их,
Коль меня не напрасно учили гаданью давно, —
Видишь, — там дважды шесть лебедей пролетят вереницей,

На небес высоте, — от Иовиса спутник, орёл
395 Разогнал их; а ныне они все ликующим строем
Иль стремятся к земле, иль, спустившись, находят свой дол.

Вот они все собрались и крыльями машут, построясь,
Снова стаей взвились, — небосклона опишут чертог.
Так друзей корабли, иль стоят на причалах, покоясь,

400 Иль, подняв паруса, vyplывают в широкий поток.
Ты же прямо иди, не сворачивай с этой дороги». —
И направилась вспять, — озарилось вокруг алым чело,

Засияв; от кудрей разливался там запах амброзий;
Соскользнули до пят вдруг одежды её, и такой
405 Выдаст поступь богиню. И в то же мгновение, дрогнув,

Мать узнал он, воскликнул вослед убежавшей: «Постой!
Сына вводишь зачем ты, жестокая, обликом лживым
В заблужденье не раз? Почему же ни руку с рукой

Ощутить не дала, ни твой подлинный голос услышать?» —
410 Он с укором сказал, путь прямой направляя к стенам.
Мраком тёмным тогда окружила Венера неслышно

Их, идущих, так плотно, как облаком их оттеня,
Чтоб не мог человек ни увидеть, ни тронуть, ни слышать,

Ни сдержать на пути, ни причину прихода их знать.

415 После в Пафос сама удалилась дорогой воздушной,
В свой любезнейший храм, где курится сабейский везде
Ладан в ста алтарях, и венки аромат льют послушно.

В путь пустились мужи, повинуюсь тропинке, как есть,
Всходят склоном холма, что над городом новым восходит;
420 И взирал с высоты на твердыню, растущую здесь,

Изумлён Эней сильно, – на месте пустынь, – огороды;
Устремился народ из ворот, по дорогам летя.
Вся работа кипит у тирийцев, – вот стены возводят,

Града строят оплот, и руками там камни катят;
425 Иль домам выбирают места, бороздой отмеряя;
Колесницам широкую улицу тут же мостят.

Тут вот дно углубляют в порту; основания театра
Высекая из мраморных скал, прочно, быстро ведут;
Много мощных колонн, – украшение сцены назавтра.

430 Так в цветущих полях ранним летом под солнцем снуют
Пчёлы, трудятся, – эти выводят приплод возмужалый
В первый лёт; а другие меж тем собирают, кладут

Мёд, и соты свои наполняют нектаром тем сладким.
У сестёр прилетающих груз принимая, жужжат,
435 Гонят, строятся, от ульев всех трутней ленивое стадо;

Ароматы от мёда плывут, и работы кипят.
«Счастье тем, для кого уж возводятся стены наутро!» —
Воскликает Эней; все на кровли градские глядят.

Входит в город, чудесным он облаком плотным окутан,
440 В гущу входит толпы, оставаясь незримым для всех.
В граде роща была, – под её же приветливой кушей,

Когда в Ливию ветер морями направил их след, —
Знак приметный нашла, – явлен был он Юноной царицей,
Устрашая, – коня череп крепкого, – много сот лет

445 Будет род их отважен в бою, и нужды нет в помине.
Величавый храм Дидо Сидонья Юноне творит, —
Он дарами богат, и любовью обласкан богини;

Из железа ступени ведут; своды мощно крепит
Дуб; скрипели из стали блестящей шипы двери новой.
450 Только храм меж деревьев открылся пришельцам, стоит;

Страх Энея утих, – на спасенье надеяться снова
Смел герой, и средь бед он грядущее снова творит.
В двери храма войдя, ждёт прихода царицы по слову,

Изумлённый богатствами царства, на стены глядит,
455 И рукам мастеров, и трудам их искусным дивится.
Тут одну за другой илионские битвы он зрит,

О которых Молва шла по целому свету; сразится
Здесь Атрид, и Приам; Ахиллес, им ужасный, глядел.
Став пред ними, Ахату герой со слезой поделился:

460 «Где, в какой стороне не слышали о нашей беде?
Вот Приам. Он и тут награждён похвалой ненароком, —
Тронет души до плача, а слёзы, – лишь смертных удел;

Не страшись, – эта слава спасёт нас, – быть может, жестоко», —
Молвил, душу свою услаждает картиной; скорбел,
465 Плакал, слёзы лицо орошают обильным потоком, —

Как бы вновь под Пергамом он грозные битвы глядел, —
Вот и греки бегут, ну, а юноши Трои теснят их;
Ахиллес на фригийцев в своей колеснице летел.

Возле, – Реса белеют шатры; сном как будто объятых,
470 Видит многих, – а там со слезами их всех тормошит, —
Спят предательским сном; их убил сам Тидид вороватый,

В свой он лагерь уводит горячих коней, не спешит;
Травку с пастбищ троянских, водицу из Ксанфа находит.
На картине другой сам Троил; обронивший свой щит,

475 Он, несчастный, бежит, от борьбы с Ахиллесом уходит,
Навзничь падает; мчат скакуны колесницу пугу;
Не бросая вожжей, по земле он затылком колотит,

Наконечником пыль боевое копьё чертит тут.
Входят в храм беспощадной Паллады все жёны, рыдая,
480 Распустив свои кудри, богине покров в храм несут, —

Скорбно молят её все, ладонями в грудь ударяя;
Отвернулась от них и потупилась, взоры смутив.
Ахиллес влачит Гектора вокруг Илиона, играя,

Труп его продает он за золото старцу, строптив;
485 Громкий вырвался стон из груди у него, едва разом,
Он увидел доспех, колесницу, и друга в крови;

И ещё, – безоружные руки Приам простирает.
Узнаёт и себя он, – напротив ахейцев сыны,
И пришельцы из стран от Зари, – от Мемноновой рати;

490 Амазонок ряды со щитами, как круг у Луны,
Водит Пентесилея, светящая яростным взором, —
Грудь нагую она золотою повязкой струнит,

Дева-воин, не дрогнет и в битву, с мужами поспорить.
Той порой, как дарданца Энея картина дивит,
495 Не отвёл ни на миг от неё изумленного взора, —

В храм царица сама, распрекрасная Дидо спешит,
Многочисленной толпой окружённая юношей милых.
На Эвроты берегах водит, Кинфа хребтах, учредив

Хороводы Диана, и с ней спешат горные нимфы, —
500 Отовсюду их тысячи верных за нею идут;
За спиной она носит колчан, ростом всех их затмила.

В грудь Латоны безмолвная радость вселяется тут, —
Так и Дидо, веселья полна, среди толпы воцарилась,
Посвятив трудам думы; заботы о царстве растут.

505 В двери храма вступив, под возвышенной кровлей царица
Занимает свой трон, окружают и стражи окрест;
И законы даёт, и работы мужам; суд вершится;

Равно делит она, иль по жребию им ставит крест.
Вдруг увидел Эней, – среди большого народа стечения,
510 Приближаются к храму Клоант и Антей, и Сергест,

И троянцы идут, те, которых свирепые ветры,
Морем врозь разбросав, отнесли к побережьям потом.
Поражённый, застыл; изумленный Ахат в то не верит;

Страшно, радостно им, – руку спутникам тем, поделом,
515 Жаждают скоро пожать, но смущает сердца неизвестность.
подавив свои чувства, из облака слушают то,

Что друзья испытали, к побережью прибитые ветром, —
Где оставили флот. Гостя с каждого судна послав,
К храму все поспешили, где молят о милости вместе.

520 После, как привели их к царице, им слово отдав, —
Молвил Илионей, в них старейший, представив степенно:
«О, царица, тебе даровал бог Юпитер, создав

Город, диких племён усмирить правосудьем надменность!

Только молят троянцы тебя, – гнал их ветер в морях, —
525 Жалких, нас пощади, корабли упаси от сожженья!

Чтит бессмертных наш род, – так взгляни благосклонно на нас.
Мы пришли не с мечом, – не ливийцев Пенаты нам нужны,
Не затем, чтоб умчаться с добычей, ограбивши вас;

Нам насилие чуждо, надменности нет в нас к тому же!
530 Край на западе есть, Гесперией что греки зовут;
В той античной стране, плодородной, богатой оружием,

Прежде жили энотры; теперь их потомки живут,
Взяли имя вождя и себя «Италийцы» назвали.
Путь держали туда, куда наши пророки ведут.

535 Тученосный восстал Орион над пучиной; оскалась,
Корабли Австром дерзким на скрытые мели бросав;
Буря, нас одолев, размела по волнам и по скалам

Все суда; лишь немногие здесь оказались, пристав...
Что за люди живут, коль ступить на песок нет доверья?
540 Что за варварский край, если терпит такой дикий нрав?

Угрожая войной нам, сойти запрещают на берег!
Коль людей презираете вы, и оружие в строю, —
Вы побойтесь бессмертных, что помнят и честь, и неверье.

Был царём нам Эней справедливый и храбрый в бою;
545 Благочестьем никто с ним не мог в этом мире сравниться.
Коль его пощадила Судьба, если видит Зарю

И Эфир, и к жестоким подземным теням не спустился, —
Страха нет в нас. И ты не расквесишь, если ты здесь
Первой нам помогать поспешишь, – там, в краях Сицилийских

550 Города есть, войска, и троянец по крови, – Акест.
Пусть позволят нам флот подвести, ураганом разбитый;
Брёвна надо приладить, и вытесать вёсла, – дай лес.

Если вновь мы отыщем царя, и всех спутников свиту,
Плыть в Италию сможем, – и путь свой отыщем везде, —
555 Поплывём мы в Италию, дальше в Латинию с битвой.

В море сгинул Ливийском отец, нет для Юла надежд, —
К сиканийским проливам пойдём мы, откуда пришла ты,
Будем нужных пристанищ искать у Акеста, иль, где ж», —

Молвил Илионей, и кричали согласно солдаты,
560 Все дарданцы, ответив, как воин могучий один.

Скромно взор опустив, Дидо им отвечала всем кратко:

«Брось ты страх, всяк троянец заботу из сердца гони!
Царство молодо наше, кругом же опасность огромна,
Меня бдительно так рубежи заставляет хранить.

565 Энеады, о вас кто, о Трое не знает спалённой,
Не слышал о войне, об отваге троянцев ничто?
Не настолько в груди у пунийцев сердца очерствлены,

Прочь не гонит коней от тирийцев и Солнца поток.
Если к пашням Сатурна, в великую вы Гесперию,
570 Или к Эриксу плыть захотите, к Акесту, – ну, что ж,

Помогу вам, припасы все дам, отпущу невредимо.
Если ж в царстве моём захотите остаться, хвалю, —
Город, что возвожу, – он весь ваш! Корабли приводите!

Я троянцев с тирийцами вместе навек полюблю.
575 Пусть бы царь ваш Эней Нотом был ураганным подхвачен,
Принесён к нам! А я по всему побережью пошлю, —

До пределов Ливийских обещут пусть вестники чащи, —
Может быть, по лесам иль селеньям блуждая, идут».
Духом храбрый Ахат тут воспрянул от речи царящей,

580 С ним родитель Эней, – прорываться сквозь облако ждут.
Ободряет Энея Ахат: «Сын богини державной,
Думы молви, какие, в душе зародившись, растут?

Глянь, – опасности нет, и все спутники с флотом сбежались.
Лишь один не вернулся корабль, – мы видали, пропал,
585 Утонул. Материнские все же сбылись предсказания».

Лишь промолвил он так, – и тотчас золотое, как лал,
Разрывается облако, в чистом Эфире растаяв.
Пред народом Эней встал, – божественный свет осиял

Плечи ярко, лицо, ибо мать сама вдруг расправит
590 Цесаревича кудри; и юности блеск, засияв,
Гордой радостью глаз у героя огонь зажигает.

Так слоновую кость украшает искусство оправ;
Мрамор иль серебро в золотой Паризийской оправе.
Он собраную всему, и царице нежданно представ,

595 Обращается тут: «Кого ищите вы, – здесь поставлен.
Я троянец Эней из Ливийского моря спасён.
О, взошедшее Солнце, троянцев лишь беды представляю,

И своих беглецов, из данайцев кто спасся со мной,
Нас, лишённых всего, испытавших в морях и на суше
600 Столько тяжких трудов, принимаешь ты в город, в дом свой.

Сил не хватит теперь, Дидо, нам благодарность за случай
Воздавать, – сколько в мире дарданцев сейчас ты спасла.
Коль бессмертные чтят благочестье, и есть невезучим

На земле справедливость, и ты поступить так смогла, —
605 Есть награда тебе? Неужели родитель твой гордо
Не счастливый? Ужель не достойны родители слав?

Льются реки доколе к морям, и доколе по горным
Склонам тени скользят, и светила на небе ночном, —
Имя вечно пребудет твоё и в хвале, и в фаворе,

610 Земли б нас ни призвали какие», – промолвив, рукой
Правой, – Илионея, Сергеста же левой, в поклоне
Обнимал и Гианта тут, с храбрым Клоантом, с собой.

Гостя взвидев едва, в изумлении Дидо Сидонья,
Устрашилась Судьбою, и голос её потрясён:
615 «Что за жребий, скажи, через столько опасностей гонит

Сын богини, тебя? К берегам, ты какой занесён
Силой? Ты же, – Эней, твой отец, – Дарданид Анхиз важный;
Ты Венерой во Фригии, близ Симоента рождён.

Вспоминаю, – в Сидоне как Тевкр появился однажды, —
620 Из отчизны был изгнан он; царство стремился скорей
Властью Бела добыть; ну, а Бел, мой отец кровожадный,

Кипр тогда разорил и под властью держал, царь царей.
С того времени знаю я всё, – как троянец скитался,
Знаю имя твоё, имена пеласгийских царей.

625 Был троянцам врагом, но о них с похвалой отзывался;
Утверждал, что от корня старинных троянцев рождён.
Поспешите, мужи, и под кров мой войди, кто собрался!

Лично бедствий таких я извела много, – дождём
Нас несчастья гоняли, и здесь лишь осели когда-то.
630 Горе знаю, – несчастным помочь оно учит добром».

Молвя это, царица уводит Энея в палаты
Дома; в храме почётные жертвы назначив скотом,
К берегу двадцать быков отправляет царица богато,

Сто огромных свиней со щетиною жёсткой; по сто
635 И ягнят, и овец жирных; с ними весёлого бога,
Вакха дар посылает; уж всё до краёв налито.

Изнутри дом меж тем в роскошь царскую убран премного;
Пир готовят в покоях дворца, все ковры стелют там, —
Тканы пышно они и украшены пурпуром гордым.

640 Отягчён серебром стол, на золоте кубков чекан
Предков славных деяния выбил предлинной чредою,
Дедов подвиги многих, с древнейшего рода начав.

Тут Эней, – в отца сердце, для сына не знает покоя
Ведь любовь; сразу сам посылает Ахата гонца, —
645 Чтоб Аскания он известил и привёл его в город, —

Об Аскании милом заботы всегда у отца.
С ним дары принести Илиона, с гибели взятой,
Унесли, – от золотого шитья тяжелее свинца

Плащ, шафраном окрашен, с узором из листьев аканта, —
650 Уходя из Микен, аргивянка Елена его,
Получивши от Леды, в Пергам, к незаконному браку

Увезла убор дивный. Ещё принести скажет он, —
Скиптр отцовский; им в прежние дни Илиона владела
Дочь Приама старейшая; с ним ожерелье, – кулон

655 Весь жемчужный; венец золотой, что камнями отделан.
Быстро двинулся в путь тут Ахат, к кораблям поспешив.
Киферея в душе новый замысел меж тем лелеет,

И готовит обман, – чтоб к царице, дарами пленив,
Купидон шёл, Аскания вместо, сменивши обличье,
660 Сжёг безумием сердце, в крови её пламя разлив.

Ведь богиню страшит двоедушье тирийцев двуличных;
Гнев Юноны безумной тревогою ночь спать не даст.
С речью мягкой она обратилась к Амуру, как сыну:

«Помоги, мой сынок, лишь в тебе и величье, и власть;
665 Молодец, стрел отца не боишься, сразивших Тифона;
Прибегаю с мольбой, к твоей силе священной припасть!

Знаешь ты, – брат Эней твой, гонимый всезлойной Юноной,
Долго гладью морской и по всем побережьям блуждал, —
Сам об этом скорбел ты со мною единою скорбью.

670 Финикиянка Дидо словами его задержать

Льстится. Я ж опасуюсь Юнонина гостеприимства, —
Чем оно обернётся? Ужели упустит, – всё взять?

Вот, задумала я, упредив её козни, царице
Дидо выжечь всё сердце огнём, чтоб бессмертный не мог
675 Чувства ей изменить, чтоб, как я, ей в Энея влюбиться.

Слушай замысел мой, – мы всё сможем проделать с тобой, —
Ведь наш мальчик, рождённый для мира, его чтоб устроить,
Вызван милым отцом, – собирается в город Сидон,

Дар несет, что спасён был из волн и пылающей Трои.
680 Внука я, усыпив, на высоты Киферы умчу,
Иль в своем Идалийском священном приюте укрою,

Чтобы козней не знал, и не мог помешать им ничуть.
На одну только ночь ты свой облик изменишь обманно;
Мальчик сам, прими временно образ же мальчика, суть,

685 Чтобы, – только тебя на колени Дидона посадит,
Здесь, на царском пиру, возлиянья Лиэя забудь;
Лишь обнимет тебя, поцелуй тебе сладкий подарит, —

Тайный пламень вдохнув в неё, сможешь её обмануть».
Мамы милой словам тут Амур покорился, снимает
690 Крылья; радостно, Юла походкой пускается в путь.

Но Венера Аскания в сладостной дрёме, погладив,
В Идалийские рощи уносит сама на руках,
Где меж стройных дерев, овеваемый запахом сладким,

Спит в душистой тени, где цветы майорана растут.
695 Купидон веселящийся, матерью послан заране,
И царице тирийской приносит дары, с ним Ахат.

Оба прибыли, где, на завешенном гордою тканью,
Золотом своём ложе, царица в середине. Лежат
И родитель Эней, и троянские юноши, станом

700 За столом разместившись на пышных покровах все в ряд.
Слуги воду для рук, и с дарами Цереры корзины
Подают; полотенца со стриженной шерстью дарят.

Там рабынь пятьдесят чередою предлинной носили
Яства пышным гостям; благовонья Пенатам возжечь,
705 Сто рабынь и сто слуг, им же возрастом равных, служили,

Ставя блюда на стол, наливая все кубки до плеч.
В день так много тирийцев в весёлом чертоге садятся, —

Всем царица велит на прекрасные ложа возлечь.

Все дивятся дарами Энея, на Юла дивятся,
710 Виду бога цветущему, речи притворной его,
И покрову одежды с узором из листьев аканта.

Завороженной всех остальных, оглядела всего, —
Наглядеться не может, на муки приняв обречение
Финикиянка сердцем; и мальчик прекрасный, бегом

715 Сел, за шею Энея обняв, лишь короткое время
Побыл с мнимым отцом, – пусть любовь его только поёт,
И к царице пошёл. Та глядит неотрывно, скорее

Льнёт всей грудью к нему и ласкает его; не поймёт, —
У неё на колени сам бог всемогущий садится.
720 Акидалия мать о Сихее ей память сотрёт

Понемногу из мысли, чтоб к новой любви обратились
Думы праздные, сердце ожившее, очи глядят.
Пировать все окончили; моют столы челядинцы,

Вот приносят кратер ёмкий, кубки налиты стоят.
725 Шум в чертогах течёт, и хвалебные возгласы реют;
С потолков золочёных свисая, лампы горят,

Озаряют обширный зал, пламенем мрак одолевши.
Приказала царица дать чашу златую на стол,
В блеске множества ценных камней, – это Бела наследье;

730 Наливала вином, – и в молчанье сказала потом:
«Даровал чужеземным гостям ты права, о, Юпитер!
Дай тирийцам, троянцам ты радостный день, золотой

На сегодня. Пусть память в потомках о нём сохранится!
О, Юнона, о, Бахус, податель веселья, стола, —
735 Славьтесь! Вы же наш пир благосклонно почтите, тирийцы!»

Так сказала и богу почётную влагу лила,
Прикоснулась губами лишь чаши священной немного,
В руки Битию, пить приглашая, её отдала.

Чашу пенную он осушает до дна золотого.
740 Золочёную взявши кифару, коснувшись струны,
Тут Иоп заиграл, что Атлантом научен премного.

Пел о трудных деяниях Солнца, блужданиях Луны;
Взялись люди откуда, животные, дождь и светила, —
Голубых звёзд Гиады, Арктура, Медведиц двойных;

745 Отчего спешит Солнце зимой в Океан опуститься;
Отчего медлит летом спуститься на землю, к нам, ночь.
Рукоплещут, певца награждая, троянцы, тирийцы, —

Возлежа меж гостей, коротая в беседах всю ночь,
Упивалась любовью несчастная Дидо царица.
750 О Приаме она и о Гекторе слушать не прочь

От героя: «В доспехах Аврора могла появиться?
И о страшных конях Диомеда; каков Ахиллес;
Бедах граждан твоих, и о бранных трудах поделиться,
И о кознях данайцев, скитаниях в мире чудес», —
755 Молвит просто Энею: «Уж лето седьмое катится,
Унося всё тебя, по волнам и ветрам, до небес».

Книга вторая

На просьбу царицы Дидо, царь Эней, сказав про боль, которую ему причиняют воспоминания о гибели Трои и сожжении Илиона, начинает рассказывать о последнем эпизоде Троянской Войны.

Вожди данайцев, терпевшие неудачу за неудачей при осаде Илиона, решаются на хитрость. Построив по совету хитроумного царя Улисса огромного деревянного коня, якобы в дар богине Минерве, они прячут в него отряд самых опытных данайских вождей с оружием. Оставив коня на берегу, все остальные данайцы спускают на воду корабли и отплывают к острову Тенедос, находящемуся недалеко от Трои. Троянцы, видя опустевший берег, считают, что данайцы отплывают навсегда в Микены.

Ворота Илиона распахнуты, троянцы собираются возле деревянного коня, удивляясь его размерам, считают его даром богам, и Тимет первым предлагает затащить коня внутрь крепости. Капис и другие категорически против этого, предлагают скорее уничтожить данайские козни. Прибегает жрец Лаокоонт, говорит, – за досками скрыты данайские воины, бросает в коня копьё, но троянцы не слушают Лаокоонта.

Дарданские пастухи приводят пленника из данайцев, сдавшегося им добровольно. Пленник откровенно испуган, ждёт казни, но троянцы желают расспросить его о коне. Отбросив страх, он рассказывает, что зовут его Синон, он родственник Паламеда. С царём Итаки Улиссом у Синона был конфликт из-за жертвоприношения данайцев перед походом на Трою, когда царь Атрид Агамемнон принёс в жертву свою дочь, против чего выступил Синон. Улисс затаил злобу на Синона и дождался удобного случая. Когда данайцы решали о возврате домой, вестник Эврипил, подговорённый Улиссом, заявил, что для успеха необходимо принести кого-то в жертву. Гадатель Калхант, долго сопротивляясь назвать кого-то для жертвы, под нажимом Улисса указывает на Синона. Синона готовят принести в жертву, но он ночью сбегает и прячется, когда данайцы отплывают, он сдаётся троянцам, умоляя их о пощаде.

Благодарный царь Приам милует пленника и спрашивает его о Троянском Коне. Синон сообщает, что это дар богине Минерве Палладе за осквернение и кражу Улиссом и Диомедом Тидидом её изваяния, – Палладия из храма. Когда Палладий вносят в стан данайцев, статуя богини сверкает глазами и подпрыгивает три раза, после чего дела у данайцев идут из рук вон плохо. Гадатель Калхант советует всем ахейцам отплыть по домам, так как Пергам разрушить не удастся, там просить пророчество богов, а в искупление богине Палладе сделать в дар этого деревянного коня, настолько большого, чтобы троянцы не смогли ввести его внутрь крепости. За оскорбление коня Калхант предвещает ужасные кары, если же коня введут в город, то Азия пойдёт войной на Пелопию и добудет победу.

Троянцы верят слову Синона и попадают в западню. Тут в море появляются две огромные змеи, вылезают на берег, набрасываются на жреца Лаокоонта и двух его сыновей. Лаокоонт не в силах победить их, троянцы не вмешиваются; после удушения Лаокоонта и его сыновей, змеи уползают к храму Тритонии и прячутся в нём. Троянцы понимают, – жреца постигла кара за оскорбление дара богине. Все дружно бросаются тащить коня в город, одни набрасывают верёвки, другие проламывают городскую стену. Дочь царя Приама, пророчица Кассандра предвещает гибель Илиона от этого коня, но троянцы её не слушают, почитая безумной. К вечеру конь уже на площади города, усталые троянцы расходятся по домам.

Корабли данайцев и мирмидонцев ночью, под прикрытием темноты возвращаются к Илиону. В это время Синон внутри города открывает потайную дверцу в чреве коня, выпускает из него вождей и воинов данайцев во главе с Улиссом, которые немедленно нападают на спящий город.

В это время Энею во сне является опечаленный Гектор, в том виде, когда Ахиллес волок его вокруг города, привязав к колеснице. Гектор приказывает Энею бежать из погибающего Илиона, спасти Троянских Пенатов и искать место для основания нового города и государства. Илион мог бы спасти только он, Гектор, без него город обречён. Проснувшись в доме отца Анхиза, Эней слышит вопли скорби, видит город, охваченный огнём пожаров; горят дома Укалегона, Деифоба и другие. Эней хватается меч и спешит в битву; ему встречается жрец Феба, Панф Офриад, несущий Пенаты и малого сына Энея, Аскания.

Панф сообщает Энею, что город фактически в руках данайцев, которых Синон выпускает из Троянского Коня, и те открывают ворота вернувшемуся на кораблях войску ахейцев. Эней спешит в бой, собирая по пути оставшихся молодых воинов, Рифея, Эпита, Гипаниска, Димаска, Кореба, сына Мигдона, жениха Кассандры и других, и вдохновляет их достойно умереть за родной город. Они встречают первых данайцев, среди них Андрогеея, убивают их; затем Кореб предлагает всем одеть данайские доспехи и убивать ничего не подозревающих данайцев. Они видят, как из храма Минервы волокут Кассандру, Кореб бросается на помощь с друзьями, убивая данайцев. Но хитрость оборачивается поражением, на отряд Энея нападают теперь и троянцы.

Сбегаются данайцы, оба Атрида и оба Аякса с войском долопов, пользуясь численным превосходством, громят поверженный город, убивая спутников Энея, который мечется по всему Илиону, видя, как город гибнет. Данайцы уже штурмуют дворец царя Приама, возглавляет нападение сын Ахиллеса, безжалостный Пирр. На глазах у Приама и Гекубы Пирр убивает их сына, Полита; Приам хватается копья, хотя Гекуба хочет его остановить, слабой рукой мечет в Пирра, но не попадает, а Пирр убивает царя Приама мечом.

Эней вспоминает жену Креусу и сына Юла, видит, что вокруг него никто не уцелел; в храме Весты он видит виновницу войны, дочь Тиндарея Елену, рвётся убить её, но ему является мать, богиня Венера, приказывает Энею бежать, забрав семью и Пенаты, говоря, что в войне не виновен ни Парис, ни Елена, война, – дело богов. Эней видит, как бог Нептун сносит стены Илиона, которые когда-то сам построил с богом Фебом, а богиня Паллада ведёт ахейцев в бой. Эней бросается домой; отец Анхиз сначала отказывается бежать, ссылаясь на немочь, но Эней готов нести отца сам. Эней снова рвётся в бой с Пирром, но жена Креуса умоляет его подумать о семье и сыне Юле.

Над головой Юла является огненное знамение, которое пытаются залить водой. Эней просит знамения у Юпитера и получает его с громом и падающей звездой. Анхиз согласен бежать из Илиона, Эней вручает ему Пенаты, так как сам не может нести их окровавленными руками, берёт отца на плечо и устремляется в бегство с женой и сыном. Отец кричит, что враги догоняют их, они убегают, но в спешке они теряют Креусу, Эней отправляется её искать, указав спутникам путь. Повсюду победившие данайцы разграбляют город, Эней видит Улисса с Фениксом у награбленной добычи. Тут перед Энеем появляется призрак Креусы, которая просит Энея не искать её, так как она уже недоступна, наказывает Энею отыскать землю Гесперии, чтоб обрести там родину и новую семью. Эней возвращается к Анхизу с Юлом, видит огромную толпу троянцев у храма богини Цереры, собирающуюся вокруг него; они уходят из ворот Илиона, в надежде обрести где-нибудь пристанище.

Смолкли все, со вниманием к гостю лицом обратившись.

Приподнявшись на ложе, отец Эней всех оглядел:

«Несказанную боль испытать вновь велишь мне, царица!

Я воочию видел Троянской державы удел, —

5 Слёз достойного царства, – коварство данайцев крушило;

Битв трагических был я участник; и всяк, кто смотрел,

Будь он даже долоп, мирмидонец, иль воин Улисса,
Слез не мог бы сдержать! Покидает росистая ночь
Небо; звёзды ко Сну призывают, склоняясь так низко;

10 Но, чтоб жажду о наших невзгодах узнать, превозмочь,
Краткий слышать рассказ о страданиях Трои нескладных,
Хоть страшится душа и бежит горькой памяти прочь,

Я начну. Все разбиты в войне были роком неладным
У данайцев вожди. Стали, – столь пролетело уж лет, —
15 Наподобье горы коня строить. Искусством Паллады

Дивным движимы, – всё обшивает пилёная ель, —
Лживо бродит Молва, – по обету, и ради возврата.
Сами ж прячут в нём воинов, жребием избранных; щель

После глухо забили там; в полой утробе громады
20 Тайно замкнут отряд из отборных бойцов, снаряжён.
Остров есть Тенедос, – возле Трои лежит. Вечно ладным

Был, богатым и славным, в Приамово царство включён.
Есть там бухта одна, – кораблей же приют ненадёжный.
Враг, отплывши туда, на пустынном побережье спасён;

25 Мы же верим, – в Микены ушли, по солёной дорожке!
Тотчас долгую скорбь позабыла троянцев страна.
Настежь створы ворот, – сладко выйти за стены всем можно, —

Видеть брошенный стан от дорийцев, вокруг тишина...
Здесь, – долопов отряд, Ахиллес кровожадный стояли;
30 Здесь был вражеский флот, там два войска сражались, – война!

Удивил непорочной Минерве дар, в поле поставлен
Всей громадой своей; и уже предлагает Тимет, —
С мыслью злой, или Трои Судьба так решила устало, —

В стены града коня ввести, в крепость поставить, совет.
35 Капис, те, кто судил осмотрительней и прозорливей, —
В море свергнуть скорей подозрительный дар; или, нет, —

Там костёр развести, чтоб данайские козни спалились,
Иль отверстье пробить, и в утробе разведать тайник.
Расколов черни мненья, столкнулись стремления, злили...

40 Нетерпением горя, тут с холма крепостного возник
Лаокоонт, сбежав пред толпой многолюдной сограждан,
Громко издали крикнул: «Несчастные! Верите в них

Вы безумно, – отплыли враги? Что, уже без обмана
Нам данайцев дары? Вы Улисса не знаете, что ль?
45 Ведь ахейцы внутри за досками укрылись, кровь жаждут;

Возвели враги либо громаду ту, чтоб исподволь
Угрожать стенам, дом наблюдать, да и в город пробраться.
Вы, троянцы, не верьте коню, – в нём обмана вся соль!

Чем бы ни был, страшусь и дары приносящих данайцев».
50 Молвил так он, и с силой тяжёлое бросил копье
В бок огромный коня, в чрево, древом одетое тайно.

Задрожав, пика впилась; в утробе коня от неё
Отдался удар гулом, так полости глухо гудели.
Коль не воля богов, – ею разум был наш ослеплён,

55 Убедил бы взломать он тайник аргивянским железом, —
И стояла б твердыня Приама, и Троя – гроза.
Видим мы, – пастухи там дарданские с криком поспели,

И к царю незнакомца ведут, ему руки связав,
Хоть и вышел он к ним, и по собственной воле им сдался.
60 Так подстроил он всё, чтобы Трою ахейцам отдать;

Был готов он к обоим исходам, и крепко держался, —
Иль в обмане успеть, иль на верную гибель пойти.
Видеть пленного юношам Трои не терпится жалким, —

Подбегают к нему, состязаясь в насмешках в пути...
65 О данайских услышь кознях ныне, – и все преступленья
Ты постигнешь, узнав об одном, что пришлось нам пройти!

На виду у толпы безоружный встал пленник, в смущенье,
Взглядом медленным видит фригийцев ряды и кричит:
«О! Какая земля теперь, море какое, спасенье

70 Могут дать и приют? Что же, жалкому, мне предстоит?
Больше места мне нет средь данайцев, – но, вот и дарданцы,
В гнев страшном моей жаждут крови, и казнь мне грозит!»

Стон его всех смягчил и умерил враждебную ярость;
Мы просили сказать: «Из каких происходит кровей,
75 Что принёс нам? Пусть скажет, – на что он надеялся, сдавшись?»

Он, отбросив свой страх, о себе нам поведал смелей:
«Царь! Вся правду тебе я открою, что б ни было дальше,
Отрицать не могу, – Арготида ведь родина мне,

Это правда. Изгнала Фортуна Синона, несчастным

80 Сделав, – лживым его и бесчестным не сделать и ей!
Верно, – имя из чьих-нибудь уст Паламеда слышал ты,

Сына Бела, – ведь был он Молвою прославлен своей.
Обвинив его ложно наветом напрасным в измене,
Оттого, что войну порицал он, пеласги скорей

85 Дали Смерти его, – но теперь и скорбят по умершем.
Был он родственник нам; и с ним мой небогатый отец
С года первого войн и меня отправлял на сраженья.

Пока твёрдо стоял он у власти, советный мудрец,
Был силен Паламед, – и у нас хоть немного, но были
90 Слава, почести... Зависть Улисса, коварство сердец

Сжила со свету мужа, – о чём говорю я, всё было.
Жизнь с тех пор я во мраке и в горе, и скорби влачил,
Гнев питая в душе, что безвинную Смерть не забыла.

Не смолчал я, грозя отомстить, случай чуть улучив.
95 Если в Аргос родной суждено мне вернуться с победой, —
Той бездумною речью я ненависть злобную взмыл, —

В том причина всех бед. С той поры и Улисс, то и дело
Стал меня устрашать обвиненьями, сеять средь войск
Слухи тёмные, – ждал он оружие, свои зная беды,

100 Укротиться не мог он, покуда Калхант даст предлог...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.